Самович Александр Леонидович

СОДЕРЖАНИЕ ПИСЕМ ИЗ РУССКОГО ПЛЕНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья раскрывает особенности ведения частной переписки солдатами и офицерами Центральных держав и их союзников в условиях русского плена в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.). Основное внимание в работе автор акцентирует на содержании писем иностранных военнопленных, обращает внимание на контроль за личной корреспонденцией со стороны органов военной цензуры. Приводимые выдержки из писем иллюстрируют условия быта и жизни в концентрационных лагерях России, раскрывают особенности восприятия оказавшимися в плену иностранными воинами как самого факта пленения, так и окружающей их действительности. Делается вывод о том, что письма военнопленных являются носителем особой информации, значимой для анализа психологии военного времени, позволяющей выявить стратегии коммуникации и определить особенности поведенческих практик в условиях плена.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-2/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. II. С. 160-163. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

CAPITAL CONTRADICTION AND OVERPRODUCTION PHENOMENON

Ryzhkov Denis Leonidovich, Ph. D. in Philosophy
Moscow State Mining University
ryzhkovdl@mail.ru

The author conducts the social-philosophical analysis of overproduction as a social phenomenon that is as a factor of social relations formation, considers two different phases of overproduction, namely in the spheres of material production and finance, and concludes that overproduction phenomenon has an objective and regular character and acts as a manifestation of capital contradiction.

Key words and phrases: overproduction; financial capital; speculative capital; financial corporations; aggregate worker; main capitalist contradiction.

УДК 93/94
Исторические науки и археология

Статья раскрывает особенности ведения частной переписки солдатами и офицерами Центральных держав и их союзников в условиях русского плена в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.). Основное внимание в работе автор акцентирует на содержании писем иностранных военнопленных, обращает внимание на контроль за личной корреспонденцией со стороны органов военной цензуры. Приводимые выдержки из писем иллюстрируют условия быта и жизни в концентрационных лагерях России, раскрывают особенности восприятия оказавшимися в плену иностранными воинами как самого факта пленения, так и окружающей их действительности. Делается вывод о том, что письма военнопленных являются носителем особой информации, значимой для анализа психологии военного времени, позволяющей выявить стратегии коммуникации и определить особенности поведенческих практик в условиях плена.

Ключевые слова и фразы: плен; военнопленные; корреспонденция; военная цензура; Российская империя; Первая мировая война 1914-1918 гг.

Самович Александр Леонидович, к.и.н.
Военная академия Республики Беларусь
as27-72@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ПИСЕМ ИЗ РУССКОГО ПЛЕНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ©

Говоря о значении личной переписки в жизни военнопленных, следует заметить, что в контексте обстоятельств военной поры сообщения на родину фактически служили единственной связующей нитью между находившимися в плену и их родственниками. Для оказавшегося на грани жизни и смерти каждое такое сообщение было определенной вехой проживания состояния «узника войны», попыткой уйти, вырваться из замкнутого, навязываемого экстраординарного пространства военного плена.

Как свидетельствует анализ сохранившихся архивных документов, характер и интенсивность такой переписки зависели от целого ряда факторов: времени написания, местонахождения военнопленного (лагерь или работы), жесткости режима, личности пленника и отношения к нему со стороны русской администрации (военной – в лагере, гражданской – в местах проведения работ).

На содержание эпистолярных текстов иностранных военнопленных в немалой степени влияло и такое внешнее явление, как военная цензура. Поскольку военнопленные знали или догадывались о просмотре их корреспонденции, они нередко прибегали к эзопову языку и языку эсперанто [5, д. 46, л. 20]. Некоторые сообщения писались с помощью шифра, иероглифов и химических средств. Следовательно, одна из задач цензоров заключалась в обратной дешифровке таких законспирированных писем. Однако, несмотря на довольно скрупулезную работу цензорских учреждений, им не всегда удавалось выявить и прочесть нелегальную переписку военнопленных. Так, по сведениям, поступавшим в Астраханское губернское жандармское управление, некоторые военнопленные офицеры, пользуясь «слабой бдительностью конвоя», сами опускали свои письма в почтовые ящики, надеясь таким образом избежать внимания к ним со стороны полицейских и военных властей [2, д. 329, л. 6 об.]. Проведенная в Туркестанском военном округе внезапная проверка личных вещей военнопленных также выявила немалое число писем, миновавших пункты военной цензуры [4, д. 1992, л. 675]. Выявленные путем наружного наблюдения и перлюстрации писем случаи нарушения установленных правил отправки корреспонденции неминуемо становились предметом тщательного расследования, в ходе которого в поле зрения полицейских властей попадали и те, кто способствовал в этом военнопленным.

Касаясь языка ведения переписки, стоит отметить, что на протяжении первых двух лет войны военнопленным разрешалось писать на родину исключительно на французском, немецком, итальянском языках и всех славянских наречиях. Почтовая корреспонденция на других языках задерживалась и отсылалась в архив Генерального штаба для просмотра и окончательного принятия решения уже после завершения военных

© Самович А. Л., 2013

действий [5, д. 46, л. 10]. При этом в расчет брались, конечно же, не интересы самих военнопленных, а способность цензурных органов подыскать достаточное число переводчиков для прочтения писем. Тем не менее, по причине вступления в войну новых стран и активизации обращений зарубежных представительств с просьбами о разрешении военнопленным вести переписку на родных языках, российские власти пусть и медленно, но все же шли по пути предоставления пленникам таких прав. Главенствующим при этом был принцип взаимности, на основании которого вражеские страны должны были уделять должное внимание вопросам корреспонденции находящихся у них в плену русских воинов. Так, например, в утвержденных в июне 1916 г. командующим войсками Казанского военного округа «Правилах содержания военнопленных офицеров» и «Правилах содержания военнопленных нижних чинов» мы можем видеть, что диапазон языков, на которых разрешалось вести переписку, несколько расширился. В этих нормативных документах, в частности, указывалось на возможность отправлять письма: а) по адресу внутри России (обязательно на русском языке) и б) на родину (на французском, английском, итальянском, немецком, датском, румынском, венгерском, турецком и славянских языках) [3, с. 1153].

Сообщаемые на родину сведения разрешалось оформлять в виде короткого письма-открытки (открытое письмо) и письма большего объема – закрытого письма. Атрибутом последнего являлось наличие конверта. Все военнопленные (за исключением чинов турецкой армии) имели право писать не более 2 закрытых писем и до 4 открыток в месяц. Размер офицерских писем не должен был превышать 6 страниц, солдатских – 2-4 страницы. В исключительных случаях и с разрешения командующего войсками округа объем и частота переписки могли быть увеличены. Примером такого рода исключений могли служить устройство неотложных домашних дел или срочная переписка делового характера, связанная с имущественными, наследственными и др. делами.

Военнопленные солдаты и офицеры турецкой армии на принципе взаимности могли посылать лишь одно открытое письмо в неделю и в размере не более 4 строк. По сравнению с другими находящимися в русском плену представителями Центрального блока это было явным дискриминирующим признаком по отношению к турецким воинам. Несмотря на то, что определенные шаги по изменению этой нормы предпринимались еще до Февральской революции, положительное решение вопроса последовало лишь после смены государственного правления в России и отречения Николая II. Просьбы о разрешении находящимся в плену туркам переписываться с родными на турецком языке и в объеме, предусмотренном для военнопленных других национальностей, неоднократно поступали со стороны турецкого общества Красного Креста и Полумесяца через Испанское посольство в Петрограде. Однако Главному управлению Генерального штаба (ГУГШ) понадобилось определенное время, чтобы взвесить все «за» и «против» такого шага.

Важным и, пожалуй, решающим аргументом в пользу турок стала позиция властей Приамурского военного округа, в котором на тот момент было сосредоточено значительное число турецких воинов. Как явствовало из телеграммы штаба округа в Петроград от 20 января 1917 г., «распространению на военнопленных турецкой армии норм отправки на родину писем, установленных для военнопленных германской и австрийской армий, препятствий не имеется» [6, д. 17, л. 53]. В ответ на это ГУГШ сообщило, что отныне в целях установления однообразных норм, регулирующих вопрос о корреспонденции иностранных военнопленных, на находящихся в русском плену турок распространяются правила переписки, которые в силу Стокгольмского совещания действуют для пленных германцев и австрийцев, а именно: возможность отправлять на родину 4 открытки и 2 письма в месяц. Одновременно с этим ГУГШ отдало необходимые распоряжения об обеспечении округа достаточным числом цензоров, знающих турецкий язык [Там же, л. 231-232].

Режим и продолжительность военного плена являлись важным фактором изменения мировоззрения вражеских воинов. Время пребывания в положении «узника войны» тяжело переносилось ими хотя бы в силу того, что они находятся на чужой территории, в государстве с незнакомыми традициями, и не имеют возможности влиять на исход войны в составе армии своего государства. Они вынуждены лишь пассивно ждать обмена или освобождения после окончания военных действий. В силу этого в большинстве сохранившихся писем вся ситуация описывается вокруг личности автора и его интересов, то есть масштаб данного источника – это жизнь конкретного человека в плену в тот или иной период времени.

В сохранившихся в архивах обзорах корреспонденции военнопленных Первой мировой войны первое, что бросается в глаза, – так это тяжелое психологическое состояние «узников войны». Значительное число писем содержало жалобы на плохие помещения, пищу, обмундирование: «…мы не можем иметь ничего другого, как печальную солдатскую пищу, которой слишком мало, чтобы жить, и слишком много, чтобы умереть…»; «…я не перестаю плакать с того дня, как попал сюда. Обращение грубое, пища недоброкачественная и скудная, спим на полу, заедены паразитами…» [5, д. 18, л. 184]. Подобные высказывания были не редки. В ряде случаев указанные факты действительно имели место.

Число жалоб на плохие условия содержания увеличивалось по мере притока новых волн военнопленных и невозможности разместить всех в приспособленных для жилья помещениях, а также в связи со значительным истощением продовольственных ресурсов в охваченной и обескровленной боевыми действиями стране. «Пищевые продукты ежедневно поднимаются в цене, – звучало в одном из писем немецкого военнопленного К. Хуттерна к супруге в октябре 1917 г. – Табак, одежда и ботинки невероятно дороги. <…> Одно могу тебе сказать, если нам придется провести еще целую зиму при теперешних обстоятельствах, то будет опять масса жертв среди солдат от болезни, которые благодаря долгому недоеданию не смогут противостоять ей» [4, д. 1992, л. 264]. Такие сообщения были не единичны – их регулярность свидетельствует о глубоком кризисе в психологическом плане. Апатия, чувство безысходности, обреченность – перманентные спутники писем находящихся в плену иностранных воинов.

Для писем многих военнопленных были характерны тяга к справедливости и недовольство произволом администрации концентрационных лагерей: «…для них (*русских – А. С.*) жизнь человека ничего не значит, тем более австрийца…»; «…как каких-нибудь разбойников заставляют нас лежать на нарах точно как в тюрьме…»; «…здесь господствует великий беспорядок в административных делах: все, у кого есть руки, – крадут, так что с надзорными русскими органами надо прямо драться, чтобы наши пленные что-нибудь немножко получили…»; «…обращаются они с нами грубо до такой степени, что я думаю, недалеко до битья по лицу или пинков…» [5, д. 18, л. 156].

Вместе с тем в числе военнопленных были и те, кто довольно спокойно воспринимал выпавшие на их долю трудности, справедливо связывая их с ухудшением ситуации с продовольствием по всей России. Так, в письме австрийского кадета, датированном нами осенью 1917 г., мы читаем следующее: «В последний год мы здесь почувствовали влияние войны. Прежде мы сидели перед полными блюдами, могли купить, что нам было нужно. Затем появились ограничения в представленном нам прежде пайке, в сахаре, затем в муке и хлебе» [4, д. 1992, л. 257].

Переписка с родными и близкими имела большое значение для всех, кто находился в плену: от рядового до генерала. Во многих письмах можно найти упоминания о том, с каким нетерпением их авторы ждут вестей из дома и какие усилия предпринимают для поддержания сообщения с родиной. Безусловно, у разных категорий пленников были разные для этого возможности. «Я здесь по мере возможности устроился, но тоска по семье слишком велика», – читаем мы в письме военнопленного генерала фон Гаук, отправленном из Ташкента в декабре 1914 г. [5, д. 46, л. 187]. «В чем я больше всего нуждаюсь – это в получении каких-либо известий, которых я в течение шести месяцев не получал никаких», – говорится в письме австрийского санитара из г. Джизак Самаркандской области [Там же, д. 31, л. 144]. В отправленной из Ташкента в Прагу в 1915 г. открытке другого солдата содержатся следующие строки: «Очень тяжело находиться в таком положении, как я! <…> Мы приговорены жить здесь, за 7 тыс. верст от нашего дома, не имея никаких известий от семьи. Я скорее бы согласился стать лицом к врагу, чем прозябать здесь» [Там же, д. 19, л. 39].

Чтобы трудности плена не слишком пугали адресатов, многие авторы часто повторяли, что у них все в порядке. Иногда такие фразы встречаются в одном послании по нескольку раз, хотя при более внимательном прочтении можно понять, что дела обстоят совсем не лучшим образом. В своих письмах многие пытались отразить «удобные» для них модели объяснения попадания к противнику: «…ничего нельзя было сделать, так как против трех человек было 60 кавалеристов русских и при том мы были застигнуты врасплох и не имели выхода…»; «…со своей раной я не мог держаться и вынужден был сдаться» [Там же, д. 18, л. 31].

С социокультурной точки зрения особый интерес представляет восприятие военнопленными окружавшего их русского населения. Многие из вражеских солдат и офицеров оказались не просто в иной, географически удаленной от их родины стране (некоторые первый раз в своей жизни очутились за границей), но они также почувствовали, что находятся среди чужого общества, с часто непонятными для них традициями и обычаями [9, с. 23]. Для человека иной культуры многое было новым и необъяснимым, а подчас и противоречивым. В некоторых письмах прослеживаются нотки терпимости и даже жалости к простым русским людям: «…народ хороший, как только желать можно…» [1, д. 3511, л. 2 об.]; «…беженцы сюда (*в Ташкент – А. С.*) прибывают, как трупы… О Боже, маленьких детей ни в чем не повинных держат 4 месяца на транспорте, не многие прибывают к месту назначения» [5, д. 32, л. 252].

В целом частная переписка иностранных военнопленных периода Первой мировой войны, несмотря на своеобразный информативный характер и кажущуюся простоту, представляет значительный интерес для современных исследователей. Являясь носителем особой информации, значимой для анализа психологии военного времени, она позволяет выявить стратегии коммуникации иностранных военнопленных и определить особенности поведенческих практик в условиях русского плена. На основе писем можно установить, каким образом иностранные воины оказались в плену, в каких условиях они содержались, какой была их повседневная жизнь [8, с. 242-243]. Изучение писем позволяет узнать и о взаимоотношениях, складывавшихся между отдельными национальными группами военнопленных, об отношении к этим группам представителей страны пленения, а также почерпнуть информацию относительно экономической и военной ситуации в России.

Список литературы

1. **Архив внешней политики Российской империи** (АВПРИ). Ф. 160. Оп. 708.
2. **Государственный архив Российской Федерации** (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 247.
3. **Приказ Казанскому военному округу № 702. 1916. 9 июня** // Сборник приказов Казанскому военному округу. Казань, 1916. 3113 с.
4. **Российский государственный военно-исторический архив** (РГВИА). Ф. 1396. Оп. 2.
5. **РГВИА.** Ф. 1396. Оп. 5.
6. **РГВИА.** Ф. 1558. Оп. 9.
7. **РГВИА.** Ф. 1932. Оп. 5.
8. **Свольшак П.** Словенские военнопленные во время Первой мировой войны // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М.: Наука, 2006. 388 с.
9. **Сенявская Е. С.** Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

CONTENT OF LETTERS FROM THE RUSSIAN CAPTIVITY DURING WORLD WAR I

Samovich Aleksandr Leonidovich, Ph. D. in History
Military Academy of the Republic of Belarus
as27-72@mail.ru

The author reveals the features of the private correspondence of soldiers and officers from the Central Powers and their allies under the conditions of the Russian captivity during World War I (1914-1918), pays special attention to foreign war prisoners' letters content, to the control over personal correspondence on the part of military censorship, tells that the quoted extracts from the letters illustrate living conditions and life in concentration camps in Russia, as well as reveal the features of captured foreign soldiers' perception of both the fact of capture and the surrounding reality; and concludes that war prisoners' letters are the bearers of specific information significant to the analysis of war time psychology that allows revealing communication strategies and determining the features of behavioural practices under the conditions of captivity.

Key words and phrases: captivity; war prisoners; correspondence; military censorship; the Russian Empire; World War I of 1914-1918.

УДК 343.2/7
Юридические науки

В данной статье проводится оценка изменений российского уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за совершение преступлений с использованием компьютерных технологий. Автор анализирует состав мошенничества с использованием платежных карт (статья 159.3 УК) в сравнении с составом простого мошенничества (статья 159 УК) и приходит к выводу о наличии противоречий. По результатам анализа автор предлагает меры по совершенствованию закрепленной в кодексе нормы.

Ключевые слова и фразы: преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий; мошенничество; мошенничество с использованием платежных карт; киберпреступления; анализ состава преступления.

Сафонов Олег Михайлович
Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации
O.Safonoff@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ©

Развитие технологий в современном обществе достаточно динамично. Технические новинки делают нашу жизнь проще, удобнее и безопасней. К сожалению, параллельно происходит и обратный процесс – современные технические разработки все чаще применяются и для облегчения совершения различных противоправных деяний. До недавнего времени законодатель обходил своим вниманием необходимость модернизации норм об ответственности за совершение преступлений с использованием компьютерных технологий. Позитивные изменения в данном вопросе наметились только в конце 2011 – начале 2012 г., в связи с принятием Федерального закона от 07 декабря 2011 г. № 420 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], в соответствии с которым были внесены изменения в главу 28 УК «Преступления в сфере компьютерной информации», а также Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» [4], который привнес в статью 242.1 УК РФ квалифицирующий признак - совершение преступления с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Очередным шагом законодателя на пути модернизации современного российского уголовного законодательства в соответствии с требованиями, предъявляемыми информационным сообществом, явилось принятие Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. В соответствии с этим законом в Уголовный кодекс России введены специальные составы мошенничества, в том числе и мошенничество с использованием платежных карт (статья 159.3 УК РФ).

Высокие технологии позволяют лицам, владеющим ими, совершать преступления со все возрастающей эффективностью и с легкостью избегать наказания. Не обошла эта тенденция и сферу мошеннических

© Сафонов О. М., 2013